

Бывший приходский священник Абрахам Якобсен сидел в вагоне метро с тягостным чувством: он, похоже, утратил веру в то, что Бог существует. Несколько часов назад, во время утренней молитвы, он поднял глаза к небу и осмелился задать вопрос: «Ты вообще есть?»

И если есть...

Почему же ты тогда это допустил?

Семидесятидвухлетний мужчина устало посмотрел в окно, глубоко вздохнул. Дома и деревья за стеклом проплывали мимо, но он почти не замечал их. Мир вокруг казался серым, выцветшим, словно утратил всякий смысл. Раньше все было иначе. Он всегда был внимателен к деталям, любил каждую крупицу Божьего творения. А в последние годы?..

Теперь все изменилось.

Сомнение.

Абрахам Якобсен вырос в глубоко религиозной семье в маленькой деревушке на юге Норвегии, и потому казалось странным, что именно он когда-то организовал среди студентов-теологов тот неформальный кружок, где обсуждали вещи, о которых говорить не полагалось. Например, женское священство — почему женщина не может вести приход? Или гомосексуальность — в те времена табу во всех слоях общества, не только в церкви. Они собирались тайно, в самой дальней комнате факультетского подвала, и хотя вскоре профессора прознали об этом и положили конец их собраниям, то было чудесное, волнующее время.

Ведь именно там он встретил ее.

Рут.

Самую красивую женщину, которую он когда-либо видел. Самого прекрасного человека, которого он знал.

Абрахам улыбнулся, когда поезд остановился, впуская и выпуская пассажиров. Он ездил этим маршрутом трижды в неделю — в центр, а оттуда на Манглеруд.

Чтобы навестить ее могилу.

Она настояла на этом: непременно хотела быть похороненной рядом с родителями. И он не возражал. Эта дорога к ней — теперь единственное, что у него осталось. Она была всей его жизнью, и он скучал так сильно, что порой по утрам едва мог открыть глаза.

Ты вообще существуешь?..

Он вновь взглянул в окно в тот самый миг, когда последний пассажир перебежал платформу и занял место в конце вагона. Субботнее утро. Обычно в такое время поезда битком, но не сегодня. Людей в меру. Другие жизни. Молодая пара: он улыбается, взгляд теплый, нежно проводит рукой по ее волосам. Мать с ребенком на коленях, мальчик со светлыми курдюшками смеется, показывая на мужчину в клоунском наряде с воздушным шариком в форме какой-то зверушки в руке — видимо, спешит на день рождения. Деловой мужчина с озабоченным лицом, портфель на коленях, что-то яростным шепотом объясняет по телефону. Молодежи, к счастью, немного. С возрастом Абрахам стал более осторожным. Даже немного пугливым. Однажды, когда они с Рут ехали в город, какой-то парень выхватил у нее сумку, даже не смутившись. Просто подошел, вырвал из рук и вышел, будто так и надо.

Что?..

Разве так теперь устроен мир?

Людам больше нет дела друг до друга?

Тогда, вечером, Рут сама задала этот вопрос.

Почему Бог допускает такое?

Если он добр?

Если он всемогущ?

Почему тогда люди страдают?

Войны, голод, беды, несправедливость... В чем тут смысл?

И именно он тогда вернул ей веру. Напомнил слова Фомы Аквинского о том, что Бог даровал человеку свободную волю, и потому люди сами отвечают за свои поступки. Добрые будут вознаграждены в Царствии Небесном.

Но теперь?..

Абрахам Якобсен всю жизнь следовал Писанию, но это...

Нет, этого он простить не мог.

Рак, он забрал ее внезапно.

И то, как это произошло.

Последний час

Болезнь — ладно, Божьи пути неисповедимы. Но страдания, через которые она прошла?

Нет, это неправильно.

Такой хороший человек?

Та, что прожила всю свою жизнь ради других?

Целый год в невыносимых муках, в больничной палате, медленно угасая у него на глазах.

Помоги мне.

Худенькие руки, что однажды вечером еле поднялись к нему, отчаянный взгляд, пересохшие губы, которые почти не могли шевелиться.

Помоги мне, Абрахам...

Потребовались все его силы.

Чтобы не сделать этого.

Чтобы не накрыть ее лицо подушкой.

Не помочь ей уйти.

И с тех пор это грызло его. А после похорон чувство стало невыносимо огромным. Теперь по вечерам он просто сидел у кухонного окна в одиночестве.

Ты вообще существуешь?

Почему Ты позволил ей так страдать?

Абрахам закрыл глаза, погруженный в тяжелые мысли, но вздрогнул, когда с другого конца вагона раздался вопль:

— Бомба!

— У нее бомба!

Как будто его здесь не было, как будто все происходило где-то далеко, он сидел с открытым ртом, наблюдая за нарастающей паникой.

— Бомба!

Люди бросились в его сторону. Мать светловолосого кудрявого мальчика застыла с пустым, остекленевшим взглядом. Женщина его возраста споткнулась о свою же трость.

— У нее бомба!

Что?

— Успокойтесь! — закричал какой-то мужчина, размахивая руками, но шум вокруг почти заглушил его.

— Отойдите в конец вагона!

Женщина в зеленом платье упала на юношу, потеряла очки и осталась лежать на полу, рыдая у его ног.

— Держитесь крепче! — крикнул тот же мужчина. — На счет три я дерну стоп-кран!

Его голос почти терялся в общем гуле.

— Раз... два... три!

Абрахам вцепился в поручень и пригнулся. Пронзительный визг тормозов, резкий толчок — и он ударился головой о спинку сиденья впереди и на миг отключился. Очнулся — над ним склонился тот самый мужчина.

— Вы в порядке?

Вагон остановился. Он увидел пассажиров за окном.

— У нее бомба, — торопливо сказал мужчина, хватая его за руку. — Идите за мной. Надо выбираться.

Он помог Абрахаму встать и повел его к выходу.

Теперь он ее увидел.

Женщину, о которой все говорили.

Она одна.

Сидела в самом конце вагона.

— Быстрее! — мужчина тащил его к двери. — Бомба может взорваться в любую секунду!

Он пытался вытолкнуть его наружу, но Абрахам замер.

Вот оно?

Абрахам взглянул на небо, потом снова на женщину в конце вагона.

Это то, что я должен сделать?

Мужчина уже вышел из вагона и отчаянно жестикулировал. За его спиной была толпа визжащих людей.

— Ну же!

Абрахам отмахнулся от него и сделал несколько осторожных шагов вперед.

Теперь он видел ее ясно.

Совершенно обычная женщина.

В обычной одежде.

До смерти напуганная.

Дрожащая.

С чем-то на груди.

Абрахам проигнорировал последний крик снаружи и спокойно сел напротив нее.

— Привет, — осторожно сказал он.

Женщина в ужасе уставилась на него.

— Меня зовут Абрахам. А тебя?

Она бешено замотала головой.

— Ты не можешь говорить?

Ее дыхание стало прерывистым, в глазах — отчаяние.

Последний час

— Не бойся, — сказал он.

Женщина тихо вскрикнула, когда на ее груди вдруг что-то изменилось.

Красная цифра.

5

— Я с тобой, — прошептал он.

Абрахам наклонился и взял ее за руки.

4

Она судорожно дышала, губы побелели, глаза расширились.

3

Время остановилось. Все замерло.

Вдруг он увидел Рут. Давным-давно. В саду летнего домика на берегу озера, который они снимали. В цветочном платье — том самом, которое она считала слишком вызывающим, но надела, потому что это был его подарок. Солнце ласкало ее плечи, блики играли на поверхности воды. Его рука на ее нежной спине, веснушчатое лицо, улыбка. Потом другой момент — их первый дом, они купили его, хотя денег не хватало. Радио играло на кухне, она напевала, вешая полосатые занавески, а в саду протекал шланг — вода брызгала на нее, она смеялась и босиком бегала по мокрой траве.

А потом еще один образ, самый четкий.

Ее лицо.

Старше.

Улыбается. В ореоле света. С безмятежным спокойствием.

С уверенностью.

2

— Мы не одни, — прошептал он, улыбаясь.

Женщина распахнула рот и закричала.

1

Абрахам Якобсен изо всех сил сжал ее руки.

И закрыл глаза.

2

Йессика Блумквист стояла у входа в медицинский центр «Вольват», уставившись в телефон, будто он мог как-то исправить ситуацию. Они записаны на девять. Неужели он снова забыл? Тридцатичетырехлетняя женщина набрала номер еще раз и снова попала на автоответчик. «Привет, это Рокки. Не оставляйте сообщение, я их все равно не слушаю». Но он ведь обещал ей на этот раз. Торжественно, чуть ли не клялся. *Ты ведь придешь, Рокки? Да?* Он смотрел на нее тогда своим рассеянным взглядом, тем самым, который появляется, когда его мысли витали где-то далеко. Но она схватила его за плечи, заставила встретиться взглядом. *Суббота. Девять утра. «Вольват». Ты понял?*

Йессика вздохнула и снова посмотрела на часы. Уже пять минут десятого. Она должна была быть внутри уже давно — нет, *они* должны были быть там *вместе*. Но какой смысл идти одной? Ведь проверяться должен был он. Проверить качество спермы. Понять, есть ли там, внизу, хоть что-то живое. Чтобы дать ей то, чего они так хотят.

Ребенка.

Она работала журналисткой в новостном издании «ВГ», и некоторые коллеги шептали ей на ухо: может, не стоит беременеть? Особенно сейчас, когда карьера на пике. Начальство не любит беременных журналисток. Сначала декрет, потом меняются приоритеты. Официально, конечно, такого не скажут. Слишком плохо для репутации. Но все же знали, правда ведь? Тем не менее она решила.

Она хотела ребенка.

Во что бы то ни стало.

Черт.

Она покачала головой, снова глянула на часы.

09:06.

Позвонить еще раз?

Бессмысленно.

Последний час

Она знала его слишком хорошо. Могла представить: он в своей мастерской на ферме в Валере, где-то играет музыка, он сосредоточенно смотрит на холст, не замечая, как день сменяется ночью. Наверняка уснул под утро, забыв обо всем: и о ней, и о визите в клинику, на котором она, обычно не очень категоричная, в этот раз так настаивала.

Ты ведь придешь, да?

Конечно, Йессика, расслабься. Я же тоже хочу ребенка.

Она снова вздохнула и опустилась на скамейку.

Но правда ли это?

Однажды вечером в мастерской, после лишнего бокала вина, он сказал то, что думал на самом деле. *Ты хочешь ребенка только потому, что у тебя было ужасное детство, Йессика. Ты пытаешься создать семью, чтобы компенсировать это.* Она тогда сама была пьяна и не смогла придумать ответ. Но утром проснулась и поняла: он прав.

Мама.

Нет, черт, все было не так. Она ведь и правда не была матерью. Йессика сама себя вырастила. Готовила еду, стирала, делала уроки, скрывала от окружающих, что у нее нет матери, которая бы о ней заботилась. Та почти всегда валялась пьяная на диване в гостиной, если, конечно, не шаталась по барам в поисках очередного идиота, которого можно было бы затаскать домой, чтобы он оплатил счета и обеспечил ей выпивку.

Ребенок.

Настоящая семья.

Разве так плохо.

Хотеть этого?

Осенью ее номинировали на премию за серию статей о детях алкоголиков. Коллеги аплодировали. *Вау, Йессика, это мощно. Так правдиво. Как тебе это только удается?*

А вы как думаете?

Она промолчала. Не любила об этом рассказывать.

Я была одной из них.

Йессика вздохнула, снова посмотрела на часы.

09:07.

Да чтоб тебя, Рокки.

Ну давай же.

Она уже собралась набрать его номер снова, когда внезапный грохот потряс стекла в зданиях вокруг.

Что за черт?

Она замерла, оглядываясь.

Какого черта произошло?

Люди на парковке тоже остановились, все начали смотреть по сторонам, малыш в коляске заревел, в окнах появились испуганные лица, пальцы указывали куда-то вдаль.

Из-за угла выбежал парень.

— Там взрыв! Что-то взорвалось!

В ней мгновенно проснулся журналистский инстинкт. Схватив сумку, она бросилась за ним.

— Смотри, пожар!

Теперь она тоже увидела: густой черный дым, острые языки пламени над крышами домов, где-то у линии метро.

Черт.

Что, черт побери, происходит?

Нужно звонить в редакцию.

Найти способ добраться туда, к самому эпицентру.

Йессика огляделась. Как быстрее? Через подземный переход на станцию «Майорстюа»? Или вдоль путей сверху?

Уже выбегая обратно на парковку, она услышала звонок телефона.

Черт, Рокки.

Теперь ты решил позвонить?

Она бросила взгляд на вход в клинику.

Уже почти десять минут десятого.

Они еще могли бы успеть.

Ладно.

Наверняка «ВГ» уже отправили кого-то из других журналистов.

Стиснув зубы, она тряхнула головой и ответила:

— Где тебя, черт возьми, носит? Я уже двадцать минут тебя жду!

Молчание на том конце.

— Алло? Где ты, черт побери?

И тут легкий смешок.

Это был не Рокки.

Незнакомец.

Мужской голос.

Глухой, словно механический голос.

— Привет, Йессика. Прости, что отвлекаю.

Она закатила глаза.

Последний час

— Слушай, прости, но у меня совсем нет времени говорить.

— О, думаю, у тебя найдется минутка. Раздался «бах», верно?

— Что? О чем ты?

— Ты хочешь быть моим другом?

— Другом?

Он тихо рассмеялся.

— Да. Мне ты нравишься, Йессика. Ты идеально подходишь.

— Послушай, я не знаю, кто ты, но у меня нет времени на глупости!

— Она была первой, — спокойно сказал голос.

Первой?

Что за бред?

Вокруг начиналась паника: люди убегали, какая-то женщина рыдала на плече у мужчины. Вдалеке завывли сирены — много сирен.

— Ты все еще здесь, Йессика? — продолжил голос. — Хочешь быть моим другом? Или мне позвонить кому-то другому?

— Эм... Нет-нет, я здесь.

— Прекрасно. Значит, ты согласна?

Мимо на бешеной скорости пронеслись две полицейские машины и скорая.

— Да. Ладно. Я... могу быть твоим другом. Чем я могу помочь?

Своем сирен пожарные рассекали плотный поток машин.

Мужчина снова рассмеялся.

— Отлично. Значит, договорились. Спасибо, Йессика. Пока все.

— Подожди! — Ее сердце бешено колотилось под свитером.

Тишина в трубке.

— Да? — наконец ответил он.

— Если мы... друзья, мне стоит знать, с кем я говорю, не так ли?

Он снова усмехнулся.

— Могу дать подсказку.

— Какую?

Очередная волна сирен оглушила ее.

Самюэль Бьорк

— Посмотри в зеркало, — сказал он спокойно.

— Что? Что ты имеешь в виду?

— Посмотри в зеркало.

— В зеркало? — Йессика нахмурилась. — И что я там должна?..

Но договорить она не успела.

Связь уже прервалась.

3

Следователь по делам об убийствах Холгер Мунк сидел на веранде у себя дома в бежевых шортах и голубой гавайской рубашке, пытаясь вспомнить, когда в последний раз у него были настоящие выходные. Откинувшись в шезлонге, он положил руки на округлый живот и с легкой улыбкой окинул взглядом ухоженный сад. Не было сомнений: у нее золотые руки. Садик за белым домом в Рёа был совсем небольшим, но она, как всегда, сделала его прекрасным в этом году. Марианне — его жена и большая любовь. Они познакомились еще в старших классах и с тех пор были вместе. Мунк провел рукой по рыжеватой бороде и с теплотой подумал о ней. Она оставила ему завтрак — с цветком в вазе и запиской: *«Не забудь, у Мириам сегодня выступление! Буду дома около четырех, пойдём вместе, хорошо?»* Холгер потянулся, сдерживая зевок, и взял сигарету с маленького столика. Этот год был непростым. Наверное, самым насыщенным и удачным за всю его двадцатилетнюю карьеру в полиции. Новое подразделение. Собственный офис на Марибуэсгате, 13, подальше от рутинной суеты главного офиса в Грёнланне. И *кого* назначили руководителем? Мунк снова усмехнулся, закурил и поднял лицо к мягкому июньскому солнцу. Лето в Осло пока не радовало, и в последние недели жена все чаще намекала. *Может, в этом году куда-нибудь съездим, Холгер? На юг? Погреемся немного?* Он отнекивался как мог. Старая, проверенная отговорка — работа. Надо быть рядом. А что не так с дачей? С тем местом, где они всегда проводят лето? Он по ее глазам понял: это был не тот ответ, которого она ждала. Но больше она не спрашивала. Слишком хорошо его знала. Сидеть в забитом чартере среди пьяных туристов? Толпиться на пляже? Есть «норвежские фрикадельки» в переполненном ресторане? Кому это вообще может понравиться? Однажды Холгер позволил уговорить себя на Гран-Канарию, когда их дочь Мириам была маленькой. Он ненавидел каждую секунду той поездки.

Больше никогда. А дача — это другое. Ни души вокруг. Вот его отпуск. По крайней мере, в те редкие моменты, когда он мог себе его позволить.

Мунк глубоко затянулся сигаретой и закрыл глаза. Он никак не мог выбросить ее из головы. Ведь ему дали полную свободу действий — он сам набрал команду, выбрал лучших. Был уверен: теперь их отдел безупречен. А потом позвонил старый коллега, теперь уже ректор полицейской академии. *«Мунк, у меня есть кое-кто для тебя. Она уникальна»*. Он был занят расследованием, согласился на встречу скорее из вежливости. Но уже через двадцать минут понял: он нанимает ее.

Миа Крюгер.

Сорокачетырёхлетний Мунк привык, что люди смотрят на него с уважением. Но эта девушка просто плюхнулась на стул напротив, ей будто и дела не было до того, кто он такой.

Стройная. В черном. Темные волосы обрамляли красивое лицо, а пронзительные голубые глаза, казалось, видели его насквозь.

Два мальчика найдены мертвыми в поле. Между ними — лиса.

Он оставил ее в кафе, с фотографиями с места преступления. Сам стоял снаружи, наблюдая за ней через стекло.

Двадцать один год.

У него тогда даже мурашки пошли по спине, когда она спустя некоторое время спокойно вернула ему папку через стол, будто это было очевидно.

У вас не хватает нескольких снимков.

Он снова провел рукой по бороде и усмехнулся.

Впрочем, с наймом не все однозначно.

Контракт она, кажется, так и не подписала?

Они раскрыли то дело — и с тех пор он ее не видел.

Ее сестра-близнец.

Наркоманка.

Миа ночами рыскала по улицам в ее поисках. Мунк нужен был вмешаться.

Тебе нужно спать, Миа.

Так нельзя.

Теперь, кажется, они воссоединились. Но последнее, что он услышал в трубке, не давало покоя.

Я подумаю.

Мунк потянулся, подавляя очередной зевок, и поплелся на кухню за чашкой кофе. Записка о выступлении Мириам лежала на столе. Конечно, он пойдет. Они с Марианне долго не могли найти себе места: четырнадцатилетняя дочь целыми днями сидела в комнате. Неужели у нее нет друзей? Но потом появился этот театральный кружок, и теперь ее почти не заставить дома. Отлично. Мунк взял записку, собираясь прикрепить ее к дверце холодильника, когда зазвонил телефон.

Он взглянул на экран.

Анетте Голи.

Правая рука, первый человек, которого он взял в команду. Мунк и представить себе не мог, как бы справлялся без этой невероятно толковой девушки-юриста.

— Холгер. Слушаю?

— Ты уже в курсе?

— Чего?

Голи явно нервничала. В трубке слышалось, как она куда-то спешит: позади хлопнула дверь автомобиля.

— В метро взрыв. Прямо рядом со станцией «Майорстюа». Поднимают все подразделения.

— Что?

Мунк замер на кухне не двигаясь, записка все еще была в руке. Марианне и Мириам... Они же поехали за покупками? Куда? В центр? Нет. В торговый центр «Сандвика». В другой стороне.

Значит, не рядом.

— Бомба, — продолжила Голи. — Женщина в жилете. Нас вызывают на дело.

— Что? Нас?..

— Полная мобилизация, — перебила она. — Армия, служба безопасности, управление национальной безопасности, вся полиция, все ведомства подняты. Там полный хаос. У правительства экстренное совещание, королевскую семью уже эвакуируют. Когда ты сможешь быть в офисе?

— Террористка-смертница? — Мунк уже шагнул к двери.

— Пока точно не знают. Ты едешь?

— Уже в пути, — ответил он, сбивая с крючка ключи от машины.

— Я всех обзвонила, — продолжила Голи. — Катя в Нидерландах, Фредрика не могу найти, но Людвиг, Аня и тот новый, Ларсен, уже едут.

Самюэль Бьорк

— Отлично, — сказал Мунк и вдруг осознал, что стоит на крыльце в одних носках.

Черт.

Он развернулся, вбежал в дом за ботинками и снова выскочил наружу.

— Только женщина в жилете? Это все, что известно?

— Да, пока больше ничего, — отозвалась Голи. — Сейчас пытаются разобраться. Ты приедешь?

— Скоро буду, — бросил Мунк и повернул ключ в замке зажигания.

4

Миа Крюгер сидела за рулем отцовского нефритово-зеленого «Ягуара» и впервые за долгое время чувствовала себя по-настоящему счастливой. Конечно, немного тревожно: последние дни были сущим адом. Но, по крайней мере, они прошли через это вместе. Сестра-близнец стонала, металась по большой кровати в новой квартире, вся мокрая от пота, отчаявшаяся, все хотела убежать, но Миа стояла в дверях и не отпускала.

Пожалуйста, Сигрид.

Нам нужно очистить твой организм.

Сделай это ради меня, ладно?

У нее в конце концов получилось, и сестра сдалась. Позволила Мие уложить себя в постель. Чистое белье. Задернутые шторы. Холодильник, забитый едой. Не нужно никуда выходить. Просто остаться здесь. Просто пережить это.

Вывести героин из организма.

Первые сутки были самыми страшными.

Миа видела такое в кино, но в реальности... Этот животный вопль, будто Сигрид больше не человек, а загнанный зверь, шипящий и беснующийся, потому что тело не получает того, в чем отчаянно нуждается.

Наркоту.

Очередной кайф.

Пожалуйста, Миа.

Я не выдержу...

Были моменты, когда она готова была сдаться. Отчаяние в измученных глазах. Они ведь близнецы. Мие казалось, будто она чувствует эту боль всем телом, будто сама лежит в той постели и воет от отчаяния.

Господи, Миа...

Я не справлюсь...

Но под утро Сигрид наконец уснула.

Обессиленная. Промокшая насквозь.